

ZOTOB®

АЛИСА &
КАЛЕДИН

ПЕЧАТЬ ЛУНЫ
•
ЧЕРЕП СУББОТЫ
•
СКЕЛЕТ БОГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Серийное оформление — *Ольга Жукова*
Иллюстрация на обложке — *Василий Половцев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Зотов, Г.А.

З-88 Алиса & Каледин : [романы] / Зотов. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2019. — 640 с. — (Коллекция лучшей фанта-
стики).

ISBN 978-5-17-114478-4

Зотов — один самых популярных современных авторов фанта-
стов, романы которого отличаются закрученным сюжетом, фир-
менным стебом и неподражаемым черным юмором.

Охота Джека-Потрошителя на знаменитостей, похищение
праха известных людей в Москве, Париже и Лос-Анджелесе, таин-
ственная гибель тысяч горожан в провинциальном российском
городке — эти и другие загадочные преступления могут раскрыть
только самые успешные сыщики Алиса Трахтенберг и Федор Ка-
ледин.

Впервые три головокружительных мистических триллера из
цикла «Алиса & Каледин» в одном томе!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Печать
луны**

Часть первая ПОДРАЖАТЕЛЬ

*Забери мою душу. Пей мою кровь, как я пью твою.
Распни меня на рогах Смерти. Отрежь мою голову —
выпусти наружу зло, что внутри меня...*

Manowar, Bridge Of Death

Пролог

Громко топая по выжженной земле ногами в зашнурованных до колена сандалиях, облаченный в потертые кожаные доспехи солдат неся к своему начальнику, поднимая облака пыли. Офицер поджидал его на пригорке, покрытом выгоревшей травой, лениво опираясь на длинный меч, на тонких гранях зазубренного металла пурпурными отблесками играло заходящее солнце. Квадратное лицо с горбатым носом выражало тягучую скуку и усталость трудного дня. По вискам стекали тяжелые капли пота, перемешанного с красным песком, из-за чего борода казалась крашеной.

— Ничего не получается, мой господин, — подбегая, виновато прокричал солдат. — «*Пожиратели душ*» заперлись изнутри и наотрез отказываются покидать храм. Дверь, ведущая к их алтарю, замурована: мрамора там на два локтя, не меньше. Понадобится пара часов, чтобы выбить ее тараном.

Офицер сонно подвигал челюстью, на которой с двух сторон виднелись ороговевшие рубцы — мозоли от ремешка шлема: он не снимал его двадцать лет, проводя время в постоянных походах. Признаться, ему уже порядком надоела многочасовая резня, устроенная пьяными от вина и победного экстаза войсками в покоренном городе. Проливать новую кровь не хотелось — он и так сыт ею по горло: закованные в броню лошади тяжелой кавалерии и без того с утра не могут продвигаться через городскую площадь, заваленную трупами мужчин, женщин и детей.

— Ты сказал им, что у нас приказ? — безразлично спросил он, сплевывая забившую рот жесткую пыль. — И мы не можем просто так взять и уйти, не выполнив его, иначе нас самих прибьют на воротах их чертова храма.

— Да, мой господин, — покорно склонил голову солдат, становясь на колено. — Они говорят, что не имеют права выходить за пределы алтаря. Поэтому, если им суждено умереть здесь — значит, так тому и быть.

...Офицер выпрямился и выдернул из сухой земли меч, рукоять которого была выполнена в виде головы орла. Прикрывая глаза от последних лучей умирающего солнца, он обвел пристальным взором храм из розового мрамора. Стройные зеленые кипарисы, прозрачный водоем со священными золотыми рыбками (которые, если верить местным жителям, способны откликаться на имена), толстенные колонны на входе — каждую не смогли бы обнять и двое его солдат. Это здание строили сорок тысяч пленных воинов с юга — недаром оно считается самым большим и красивым святилищем города. Но какими морями крови омыто подобное великолепие? Страшно подумать. Всего сутки назад, в ночь перед штурмом, в залах храма творились *такие вещи*, что мурашки бегут по спине. Женщины с безумными глазами, дурманящий белый дым, извивающиеся на углях босые танцовщицы и коленопреклоненные толпы городских жителей, в экстазе простирающие руки к лицу своего злобного и могущественного Повелителя.

...Хотя, конечно, вряд ли человек в здравом уме назовет ЭТО лицом...

...Сдвинув шлем, он провел ладонью от лба к подбородку, размазывая пот и пыль, пытаясь отогнать зловещее видение.

— Поджигай, — растворенным в тишине голосом шепнул офицер на ухо солдату, надеясь, что этого слова не услышат служители храма — закутанные в пурпурные покрывала люди с умашенными благовонным маслом волосами. Они и не услышали — скорее, догадались о смысле почти безмолвного приказа. Заметив, что солдат резко кивнул в знак согласия, служители нестройной толпой ринулись к главному входу в храм и встали у лестницы полукругом, сжав кулаки. Лоснящиеся, покрытые сурьмой и румянами лица были искажены животным страхом, а щеки и губы мелко тряслись, однако они были готовы ценой собственной жизни предостеречь грядущее святотатство. Ни один смертный за всю историю великого города не посмел коснуться стопами главной святыни — алтаря *«пожирателей душ»*. Этого не должно было случиться и теперь.

— Отойдите, — спокойно попросил офицер.

Служители не двинулись с места. Их одежды колыхались от теплого ветра, дувшего со стороны пустыни. Вздохнув, офицер махнул солдатам волосатой рукой, запястье которой охватывали два массивных золотых браслета.

Насвистывая кабацкую песенку, он созерцал клубы черного дыма, поднимавшиеся над разгромленным городом. Шагая прямо по свежим трупам, солдаты торопливо стаскивали с мраморным стенам большущие вязанки сухого кустарника, бросали на натертый до блеска пол святилища разрубленные в мелкую щепу пальмовые дрова. Пламя, одновременно запыхав снаружи и изнутри, оранжевыми языками взвилось над мраморной громадой. Подойдя к храму настолько, насколько позволял нестерпимый жар, офицер терпеливо ждал, пока розовый камень почернеет и начнет крошиться. Опыт подсказывал — после этого обрушить стены не составит особого труда.

Каменная дверь, ведущая к алтарю, внезапно отворилась — у порога встала шатающаяся фигура, закутанная в голубое покрывало. Офицер успел заметить сверкающую маску из желтого металла, из-под которой по плечам рассыпались черные волосы. Секунда — и фигуру поглотила волна огня. Обладатель золотой маски словно растворился, превратившись в мельчайшую серую пыль, взлетев пеплом до потолка.

— *Умтасааа... колатура... этвини сеген митта...* — услышал он слабый голос.

Офицер обернулся. На него были устремлены полные ненависти глаза служителя в пурпурной одежде, покрытой еще более темными пятнами, чем сама дорогая ткань. Лежа на земле, тот пытался зажать подвернутой рукой рваную рану на боку, откуда неудержимо лилась черная кровь.

— Что он сказал? — бесстрастно наблюдая страдания жреца, полюбопытствовал офицер у смуглокожего наемника, уроженца пустынного племени, — тот практично обшаривал еще теплые тела мертвецов в поисках драгоценностей.

— «Теперь жизни больше нет», — перевел наемник, не отрываясь от своего дела. — Вы знаете местную легенду, господин? Кем были *те* три человека в масках у священного алтаря, которые предпочли стореть, но не выйти к вам?

— Нет, — расслабленно покачал головой офицер.

— Сейчас расскажу, — осклабился наемник, выдирая серьгу из уха покойника. — Вы не поверите, но *они* существовали на самом деле...

...В остановившихся глазах человека, завернутого в бордовую материю, отражался огонь, заполнивший внутреннее пространство храма. Окутанная клубами дыма, над главным входом продолжала выситься полая металлическая статуя, державшая руки прямо перед собой ладонями наружу. Даже стоя к ней спиной, офицер каждым позвонком чувствовал ее взгляд...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОГРАММА «РОЗЫГРЫШЪ»

(20 февраля, воскресенье, ночь)

Голова чудовищно болела. На лоб, виски и щеки со всех сторон навалилась мягкая и одновременно тяжелая субстанция — череп словно плавал внутри подушки, в самую середину которой залили мед, перемешанный с обломками бритв. Лезвия безжалостно вонзались в темя, саднило кисти рук, полностью онемели лодыжки. Мозг готов был взорваться — в мыслях всполохами металась зеленые молнии. Губы распухли. Во рту стоял такой вкус, что отруби с пола свинарника показались бы деликатесом.

...Светловолосая девушка с правильными, но слегка одутловатыми чертами лица, носящего явные следы элитного солярия, пошевелила набрякшими веками. Ухоженные ресницы стукнулись друг о друга, издавая, как показалось ей, едва ли не кровельный скрежет. В первые секунды после неожиданного пробуждения Маша не выражала никаких эмоций — находясь в полусонном и полупохмельном состоянии, она логично решила, что продолжает спать. Нерезкая «картинка» перед покрасневшими глазами расплывалась, дергаясь по краям, как в деревенском кинотеатре. Она находилась в довольно большой комнате, своей обстановкой напоминающей дешевый нелегальный бордель. Грязно-розового цвета бумажные обои с дебильными голубыми цветочками, плохо покрашенный потолок, облепленный засохшими трупами комаров, треснувшее овальное зеркало на стене. И новый деревянный стул возле железной кровати.

КРОВАТИ, НА КОТОРОЙ ЛЕЖИТ ОНА.

Никакой другой мебели в комнате нет: все предметы, намеренно или случайно, «сгрудились» в одном месте. Окно, судя по всему, имеется, но стекол не видно — они закрыты черными непроницаемыми шторами. Включено электричество — на потолке запыленная люстра с тремя плафонами из дымчатого стекла, в двух, потрескивая, горят продолговатые лампочки. Глаза распахнулись шире, зрачки дернулись, расплываясь в страхе. До нее стало доходить — она вовсе не спит.

...Она подскочила на кровати — пронзительно заныли ржавые пружины. Господи Боже! ДА ЧТО С НЕЙ СЛУЧИЛОСЬ?! ГДЕ ОНА НАХОДИТСЯ?! КУДА ЭТОТ ГАД ЕЕ ПРИВЕЗ?! Девушка рванулась, но не сдвинулась даже на миллиметр — каждая из ее рук была плотно прикручена к железной спинке кровати толстыми бечевками. Точно так же, но уже к другой стороне «лежбища», привязаны и обе ноги, распяленные в разные стороны. Машей овладело чувство леденящего ужаса: наполнив ее до краев, он мутной пеной вырвался наружу вместе с громким воплем. Она толком не понимала, куда попала, но не надо быть академиком, чтобы уяснить — с ней происходит **очень плохая вещь**. Извиваясь, словно угорь на сковороде, пытаясь освободиться от сдирающих кожу просмоленных веревок, Маша дико завизжала на одной ноте, так громко, как будто увидела живую крысу:

— ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕЕЕЕЕ!! ПОМОГИТЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!!

Крики, которые при обычных обстоятельствах запросто услышали бы и на другом конце города, непонятным образом тонули в воздухе, падая в ее уши мягкими ватными ударами. Через пять минут она охрипла — темнота вновь навалилась на нее, и Маша «поплыла», ощущая, что теряет сознание. Наверное, стены комнаты чем-то обиты под обоями: она слышала про подобные фишки... поролоном или коробками из-под куриных яиц, неважно. Тем материалом, который глушит любой звук, доносящийся изнутри. Чтобы не было слышно, когда жертвы кричат... **когда с ними что-то делают здесь**.

Маша заплакала навзрыд. Слезы с остатками пудры, скатываясь по щекам на измятую наволочку, оставляли на ней пятна размером с горошину. Сжавшийся от страха мозг услужливо рисовал многокрасочные варианты, деталям которых позавидовал бы любой режиссер ужасов. Ее похитил чокнутый поклонник, собравшийся держать свою пленницу в комнате восемь лет, как одну австрийскую девочку¹. Ее накачали наркотиками арабские шейхи и завтра продадут в гарем вождя суданской деревни. Ее увезут в Турцию и сделают секс-рабыней, удовлетворяющей похоть дальнобойщиков. А может, как в фильме «Пила», неведомый убийца подаст ей ножовку и ласково скажет — если она желает освободиться, то должна отпилить себе ногу? Вот эту стройную, гладкую, длинную ногу с прекрасно отпедикюренными ноготками... Ой, бляааааа... Говорил же ей папа: *mon cheri*, обязательно пользуйся охраной из бывших кавалергардов, это престижно. Но куда же деть охранника на свидании с любовником?

В охрипшем горле саднило от крика, она опять забилась как пойманная бабочка в сачке, тщетно пытаясь освободиться: из разодранных бечевкой запястий на простыню брызнули росинки крови. Мысли метались, словно загнанная охотником лисица, бросаясь из одного

¹ В 2006 году в пригороде Вены (Австрия) от своего похитителя сбежала девушка, которую тот украл в детском возрасте и продержал в подвале своего дома восемь лет.

уголка черепа в другой. Насильник? Нет. Ее бы уже десять раз успели трахнуть, но, судя по целой одежде, никто на это не покусился. Похищение с целью выкупа? Если так, тогда еще не все потеряно — папа заплатит сколько угодно, а потом пресса драться будет за право описать страшную историю попавшей в ловушку звезды гламура. А может, это снова чья-то злая и глупая шутка? Сейчас такое модно — стебаться по ТВ над аристократами, публика от подобных вещей в экстазе. Типа программы «Розыгрыш»... один раз ее развели, словно последнюю идиотку. Девушка обвела глазами комнату в поисках спрятанной миниатюрной камеры и попыталась улыбнуться искривленными губами, но тут же разрыдалась опять. Нет. Сто пудов, это не шутка. Никакие шутники на свете не стали бы привязывать ее к железной кровати, безжалостно выкручивая руки и ноги. Все гораздо серьезнее...

Незнакомец появился через два часа, когда ослабевшая от слез девушка впала в забытье: она не слышала, как на двери щелкнул старый английский замок. Не раздеваясь, прямо из прихожей он прошел на ободранную кухню, усеянную отвалившимися кафельными плитками. Там он долго мыл горячей водой безволосые руки, тщательно намазывая их душистым мылом. Дело предстоит чрезвычайно ответственное и сложное, но он справится: главное в таком деле — опыт. За отпущенное ему время он научился проводить *процедуры* столь виртуозно, что в определенных местах обязательно сорвал бы бурю аплодисментов от восхищенных поклонников. Впрочем, никакого удовольствия от вскрытия *ларца* он не испытывал — это было сугубо вынужденной мерой, наслаждение от подобных вещей могут получать только больные люди. К счастью, чувство вины не будет его угнетать слишком долго — уже через неделю он планирует покинуть Москву. Насухо вытерев руки кухонным полотенцем, незнакомец достал из шкафа детали предстоящего *маскарада*. Быстро переодевшись, он вошел в комнату.

...Маша открыла глаза на звук шагов, содрогаясь всем телом. Увиденное снова заставило ее предположить — она спит или бредит. Человек у ее кровати был одет столь вычурно и театрально, что казался клоуном, сбежавшим из провинциального цирка. Серый цилиндр, широкая накидка из черной ткани (кажется, ее еще называют «крылаткой»), скрывающая лицо маска в стиле «летучая мышь», руки в кожаных перчатках. Фокусник на выезде, вот-вот вытащит из цилиндра дрыгающегося кролика. Через прорези маски на нее спокойно смотрели два карих глаза. Она перевела дух. Маска — это отлично. Зачем похитителю скрывать свое лицо, если он собирается ее убивать? Значит, опасается, что она его *потом* узнает. Поэтому наверняка не убьет.

По груди разлилось горячее тепло радости. Она останется в живых.

— Любые деньги... — прошептала Маша. — Любые... дайте мой мобильник, он в сумочке. Только один звонок... папа заплатит... наличными, сразу же... Он не будет задавать никаких вопросов — *золотые*, фунты, евро, что угодно...

Человек в маске вел себя так, как будто ничего не слышал. Молча приблизившись, он приналег на железную спинку ее ложа, отодвигая его, — раздался скрежет металла и скрип обшарпанных половиц. Скосив глаза ниже, Маша случайно увидела то, что все это время было надежно скрыто кроватью.

...Ее крик перешел в протяжный вой раненого животного. Она молила, угрожала, билась в судорогах на кровати: «Вы знаете, кто я? Знаете?» Похититель молчал. Минут через десять, обессилев, она вцепилась сломанными ногтями в смятое покрывало. Голос пропал, превратившись в шипение. Глаза представляли собой красные блюдца, наполненные слезами.

— Не надо так делать, — ласковым шепотом сказал похититель.

Девушка вздрогнула — бархатные интонации вдруг показались ей знакомыми.

— Уверяю тебя — кричать здесь совершенно бесполезно, — деликатно продолжил он, не повышая тона. — Обещаю одно — тебе не будет больно.

Маша замолкла, подавившись рыданиями.

...На полу синеватыми огоньками одна за другой вспыхнули пять свечей, освещая начертанный голубым мелом большой ровный круг.

ГЛАВА ВТОРАЯ «ПРОЕКТ БЕКБУЛАТОВИЧ»

(21 февраля, понедельник, утро)

Водители доброго десятка машин, тускло блестевших подмороженными боками, не скрывая удивления, рассматривали рыжеволосую женщину лет тридцати с курносым носом, несмотря на холодное время, густо обсыпанным веснушками, а бледная кожа была покрыта легким слоем тонального крема. Сидя за рулем потрепанной темно-синей «тойоты», женщина, хмуря тонкие рыжие брови, самозабвенно загибала, что называется, в крест и в веру. Ее голос был высок и пронзителен — смачные выражения доносились до соседей даже через плотно закрытые стекла. Не выдержав, седеющий мужчина с благообразной бородкой (по виду отставной коллежский советник) приоткрыл стекло своего «фольксвагена», дабы сделать рыжеволосой фурии замечание о правилах поведения приличной девушки в дорожной пробке.

— Мадемуазель... сообразовайте-с простить за дерзость, но...

— Прошу прощения, сударь... хули вы лезете не в свое дело?

...По обеим сторонам помпезного проспекта высились дворянские флигели с набившими оскомину неизменными колоннами, лепниной и старомодными флюгерами. Часть — с облупившейся штукатуркой, часть — после свежего евроремонта. Многие из них уже давным-давно не принадлежали своим титулованным хозяевам: на первых этажах

разместились престижные офисы и модные бутики. Обедневшее, погрязшее в карточных долгах дворянство еще в семидесятые годы активно распродало поместья и особняки, которые охотно покупали представители разбогатевшего на медовом буме купечества. В результате на проспекте Белой Гвардии владением аристократии считался только дом графа Шереметева — с фигурными атлантами, держащими на могучих плечах круглые и пузатые, как бочки, балконы. Хозяин обветшалого особняка работал учителем в гимназии, содержать жилище было ему не по карману. Однако, перебиваясь с хлеба на воду и покупая одежду на китайских вещевых рынках, в телевизионных ток-шоу Шереметев гордо заявлял — он не имеет права торговать честью предков. Правда, это не помешало графу сдавать стены дома для размещения билбордов, рекламирующих прокладки. Остальные носители громких фамилий такой щепетильностью не отличались: недавно князь Голицын вдребезги проигрался в «блэк джек» в казино «Полтава» и был вынужден продать с аукциона фамильную усадьбу. Особняк на Пречистенке купила под офис «Царь-кола» — ведущий производитель отечественного лимонада.

Машины не сдвинулись ни на миллиметр. Бог ты мой, когда же она попадет на работу? Пробки в Белокаменной просто дикие: автомобилей с каждым годом все больше и больше, плюс князьям императорской крови по закону от 1856 года полагалось добираться на работу в экипажах, запряженных пятериком лошадей. И этот факт ничуть не улучшал уличное движение. Когда слышишь в новостях: «Около Триумфальной арки столкнулись два мерина», уже не думаешь, что это были два «мерседеса».

Нетерпеливый февральский ветер злобно трепал обрывки рекламного плаката на боку одного из шереметевских атлантов: блокбастер «Кошкодав» в стиле славянского фэнтези — мускулистый белокурый мужик разрывает пополам пасть саблезубого kota-мутанта. У трактира «Дягилев», славного своими блинами с икрой, выясняли отношения в стельку пьяные мастеровой и купец; напротив зиял разбитыми витринами закрытый суши-бар «Микадо».

Люди вокруг постепенно пропитались волнами ее настроения: бывшее спокойствие исчезло. Кто-то возмущенно размахивал руками, кто-то отчаянно сигналил, кто-то виртуозно матерился трагическим басом — похоже, это был тот самый коллежский советник, недавно сделавший ей замечание. Надо же, какой интересный герб на его машине — длинный язык под знаком доллара, обвивающий пушистого хомяка с набитыми щеками. Не иначе как в пиар-агентстве графа Синявского мужик работал, когда заслужил личное дворянство¹. Хотя на соседнем черном джипе «чероки» еще забавнее — перекрещенные селетки, а над ними луковица, водитель точно из астраханских куп-

¹ Личное дворянство в Российской империи отличалось от потомственного тем, что полученный титул нельзя было передавать по наследству своим детям.

цов, никакой фантазии. Да что там купцы? Даже среди танцовщиц в стриптиз-трактирах дворянки не редкость, видала она одну такую фамильную эмблему — золотой шест и три серебряных лифчика.

Рассматривать гербы Алисе вскоре наскучило. Тряхнув копной рыжих волос, она взяла с соседнего сиденья книгу писателя Арсения Васильева «Полуостров Камчатка». Купила недавно: подруга Варвара очень хвалила, понравился прикольный сюжет — большевикам удалось захватить Камчатку, построить там настоящий коммунизм со всеобщим сексуальным счастьем и обществом, свободным от моральных устоев. Натуральный кич: даже трехлетний ребенок и тот знает — у красных не было ни малейших шансов после того, как в апреле 1917-го Ленин на Финляндском вокзале сломал себе шею, поскользнувшись на мокрой башне броневика. Представить этого картавящего чувачка, метр с кепкой, грозным властителем камчатского Кремля — явный перебор. Женщина нерешительно повертела книгу в руках и захлопнула ее с громким стуком. Может, лучше послушать радио?

Протянув руку к хромированному рычажку тюнера, Алиса включила станцию «Эхо Империи»: в салон машины ворвались возбужденные голоса известного монархиста, гофкурьера¹ Леонтия Михайлова и скандального писателя Эдварда ЦитрусOFFа, которого когда-то шеф Отдельного корпуса жандармов выслал за границу за повесть о групповом сексе с неграми.

— Я не понимаю, как можно нашего государя не любить, — яростно орал Михайлов, наседая на собеседника. — Государь — он же невероятная лапочка, такая прям весь из себя симпатягелечка, котик несообразный пушистенький. Знаете, это просто офигительный и суперский государь! Кому самодержавная монархия не нравится — тот вообще говно. О чем бишь мы? Царь наш, храни его Господь, мягок с американцами. А я бы на его месте без разговоров высадил десант на Аляске и вернул заблудших эскимосов в лоно империи. Чем они нас напугают? Долларом своим паршивым? Баксы даже для сортира не годятся: их печатают на чертовски жесткой бумаге-с.

— Да пес с ним, с долларом, — встрял в разговор ведущий. — Наша валюта привязана к евро. Но у нас звонок. Слушателю из Улан-Удэ интересно, как вы относитесь к тому, что император собирается отречься?

Михайлов, как обычно, долго не раздумывал.

— Это катастрофа, — крикнул он, отпихнув метнувшегося к микрофону ЦитрусOFFа. — Согласно опросам, проведенным по заказу правящей партии «Царь-батюшка», у его величества-с рейтинг популярности семьдесят пять процентов. Куда государь при таком раскладе денется от обожающего его народа? Придумки среди республиканцев распускают враждебные слухи-с, что император станет председателем совета директоров «Пчелпрома». Как такое возможно? Православный царь,

¹ Придворный титул в чиновничьей «Табели о рангах», учрежденной Петром I, соответствовал званию поручика гвардии.